

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

DOI 10.24411/1813-145X-2019-1-0577

УДК 008.001.14

<https://orcid.org/0000-0003-2202-2043>

С. А. Никольский

Интеллигенция и народ: от просвещения к революционному бунту (На материале прозы Ивана Тургенева и Юрия Трифонова)

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-03-00185-а
«Отечественная литература в культуре современной России: философский анализ»

Для цитирования: Никольский С. А. Интеллигенция и народ: от просвещения к революционному бунту (На материале прозы Ивана Тургенева и Юрия Трифонова) // Ярославский педагогический вестник. – 2019. – № 6 (111). – С. 190-195.

Проблема отношений народа и интеллигенции по поводу революции – одна из фундаментальных в отечественной философии культуры. И хотя она была глубоко осмыслена философами досоветского периода, в не меньшей степени она стала предметом рассмотрения в философствующей литературе XIX и XX столетий. Многовековое пребывание в крепостном праве крестьян и столь же длительное господство над ними со стороны помещиков и других сословий сделало отношения этих двух народов России не только чуждыми, но и глубоко враждебными. У них не было общей хозяйственной жизни или форм культурного общения. У них не было даже общего языка. По этой причине непонятными чужаками для земледельцев оказались не только стремившиеся подражать Европе передовые помещики, но и пришедшие в деревню разночинные революционеры. Этот новый для России социальный слой рекрутировался из вполне государственных сословий – мелких служащих, низшего духовенства, студенчества. Их главной целью было вначале просвещение, а затем, после осознания длительности и неочевидного успеха этого предприятия, более действенный и короткий путь – террор в сочетании с неизменным нравственным императивом – пострадать за народ. Как показала история, этот расчет тоже не привел к желаемому результату. Народ ловил, бил или сдавал полиции революционеров точно так же, как и при попытках его просвещения. Но террор имел для общественного сознания отдаленные трагичные последствия. Задолго до Первой мировой войны, которая приучила народ к крови, это начали делать революционеры. С помощью первых террористов-интеллигентов страна ступила на скользкую дорожку революционного бунта. Размышлениям на эти темы посвящены тексты «Новь» и «Нетерпение» Ивана Тургенева и Юрия Трифонова.

Ключевые слова: философия, литература, история, культура, народ, интеллигенция, власть, просвещение, террор.

HISTORICAL ASPECTS TO STUDY CULTURAL PROCESSES

S. A. Nikolsky

The intelligentsia and the people: from the Enlightenment to the revolutionary rebellion (based on the prose of Ivan Turgenev and Yuri Trifonov)»

The problem of relations between the people and the intelligentsia about the revolution is one of the fundamental in the national philosophy of culture. And though it was deeply comprehended by philosophers of the pre-Soviet period, in no less degree it became a subject of consideration in the philosophizing literature of the XIX and XX centuries. The centuries-old stay in serfdom of peasants and equally long domination over them by landowners and other estates made the relations of these two peoples of Russia not only alien, but also deeply hostile. They had no common economic life or forms of cultural communication. They did not even have a common language. For this reason, incomprehensible to outsiders, the farmers were not only seeking to emulate Europe's leading landlords, but also came to the village self-employed plebeian revolutionists. This new social layer was recruited from fully state-classes – clerks, or inferior

clergy, students. Their main goal was first to educate, and then, after realizing the duration and subtle success of this enterprise, a more effective and shorter way – terror combined with a constant moral imperative – to suffer for the people. As history has shown, this calculation also did not lead to the desired result. The people caught, beat or handed over to police revolutionaries in the same way, as well as at attempts of its education. But the terror had distant tragic consequences for the public consciousness. Long before the First world war, which taught the people to blood, it began to make the revolutionaries. With the help of the first terrorist-intellectuals, the country embarked on a slippery slope of revolutionary rebellion. Reflections on these topics are devoted to the texts of «Nov» and «Impatience» by Ivan Turgenev and Yuri Trifonov.

Keywords: philosophy, literature, history, culture, people, intellectuals, power, education, terror

* * *

Поводом обратиться к теме взаимоотношений народа и интеллигенции служит последующая смена частью революционеров-разночинцев задачи просвещения крестьянства на задачу его организованной подготовки к выступлению против господствующих классов. С этой целью революционерами-интеллигентами в стране был запущен процесс политических убийств. Они должны были стать привычкой в общественной жизни, стимулятором революционного бунта. Но, как и просвещение, террор не стал пусковым механизмом народного недовольства. Слишком сильны были инерционные проявления терпимости народом насилия с редкими вспышками безрассудных кровавых бунтов для замены «злого» царя на «доброе». Дать себе труд обратиться к пониманию природы российского сообщества, именуемого народом, из революционеров желал мало кто. Также почти никто не хотел всерьез отнестись к багажу, собранному отечественной философствующей литературой, изучавшей крестьян наравне с помещиками. Подобное положение вещей имело место в немалой степени потому, что такое знакомство ставило под сомнение надежды революционеров на быструю победу над самодержавием. Неприятие действительности и, напротив, расчет на ее ломку под собственные идеи было главной целевой установкой разночинцев-преобразователей. В этой своей жизненной цели они, как всякие радикалы, не щадили себя. Что же тогда было говорить об их отношении к жизням тех, кого они видели врагами народа, стоящими на пути его счастливого будущего? Террор, таким образом, оказался естественным звеном политической эволюции России, логически выверенным шагом русских революционеров, начинавших как народные просветители. Поэтому раскол просветительской организации «Земля и воля» на наследников идеи просвещения в составе «Черного передела» и террористов из «Народной воли» в 1879 г. стал фактом политической истории страны.

В рассуждениях о природе отношений народа и интеллигенции также следует договориться о понимании процесса взаимодействия. Прежде чем одна из сторон что-либо сделает, ей необходимо определяемое для воздействия (сам предмет и способ его изменения) понять, а если речь о двух взаимодействующих общественных группах, как в случае с крестьянами и помещиком, устроить так, чтобы они вступили в диалог, раскрыли себя, осознали, убедили в своей правде друг друга.

Очевидно, что здесь мы вступаем в сферу политического, причем в его кантовском, расширительном, толковании. Именно такое, более широкое, нежели принято, толкование природы политического, полагает Ханна Арентс, Кант дает в «Критике способности суждения». При взаимодействии людей «мы имеем дело с формой совместного бытия (общее суждение, сообщество вкуса), где нет правителей и подчиненных. Здесь люди убеждают друг друга» [1, с. 231]. То есть не просто насилие одной воли над другой, не ситуация господина и подчиненного, не правление и не институты, а диалог с целью убеждения. И это такой диалог, который не конкретен и не сиюминутен. Диалог, длящийся в большом временном отрезке, откладывающийся в памяти, передающийся из поколения в поколение, уточняющийся, который служит задаче взаимного обучения. Возможны ли отношения помещиков и крестьян как отношения политические? Как они могли бы быть изменены?

Из очевидной, на первый взгляд, задачи – раскрыть крестьянам глаза, объяснить и объясниться, начать диалог с тем, чтобы крестьяне начали действовать, а помещиков подвигнуть поделить земли (что по своей инициативе делал толстовский герой «Воскресенья»), с этого и началось просветительское «хождение в народ» революционной интеллигенции из «Земли и воли». Подробно об этом писал Иван Тургенев в своем последнем романе.

«Новь» – заключительное произведение его шеститомной романной прозы – примечательно в

нескольких отношениях. Во-первых, роман завершает авторское исследование темы возможности в России «позитивного дела» [4, с. 39-120]. Как помним, начало ему было положено «Рудинным», в котором повествовалось о прекраснотушном говоруне, мало пригодном для практического вмешательства в жизнь. Своего рода вершиной стали «Отцы и дети» с их обличительным пафосом страны, нигилистически отвергающей тип Базарова – трудоголика и профессионала. В этом художественно зафиксированном акте отрицания Россия продемонстрировала свою отсталость от Европы, в которой паттерны «трудоголика», «профессионала», «предпринимателя» и «правозащитника» уже сделались обыденностью «новоевропейского времени»: «в XVIII-XIX вв. новоевропейская цивилизация придает профессионализму широкий, если угодно, демократический смысл. Независимый специалист, который знает свое дело, может посвятить себя этому делу и подчиниться его объективной логике, получает признание во всех практических сферах» [5].

Не до конца понятым как современниками, так и последующими интерпретаторами был и роман «Накануне», в котором безуспешные попытки преобразований в болгарском обществе, не менее замшелом и еще менее готовом к каким-либо переменам, чем общество российское, неизбежно станут естественным препятствием для усилий революционера Инсарова после изгнания турок, и, как он справится с ними, неизвестно. И только в «Нови» на фоне безнадежных усилий народовольцев 70-х гг. втянуть в революцию деревню возникает фигура инженера Соколомина, малоразговорчивого управляющего фабрики, предпочитающего строительство больницы или школы для рабочих переодеваниям в «народные» костюмы и хождениям по кабакам с зажигательными антиправительственными речами. Жизнеутверждающим, не всегда открыто проговоренным, но от этого не менее явственным тургеневским обращением к революционно настроенным современникам стала мысль о революционности как «постепенстве малых дел».

«Новь» также была произведением, в известной степени идущим вразрез с утверждавшейся в отечественной классике идеей русского народа – доброго от природы, способного все безропотно вытерпеть, простить любое зло. Стремящийся соединиться с мужиками толстовский Константин Левин («Анна Каренина») или жаждущий «сопряжения» с народом Пьер Безухов («Война и

мир») вместе с почвенническо-православными призывами Ф. М. Достоевского были в тогдашней литературе линией главной, казалось, навсегда исключавшей иное толкование общероссийского единства. Повести и рассказы Н. Лескова и тем более «Мужики», «Моя жизнь», «Новая дача» и другие произведения А. Чехова не только появились позднее, но и, без сомнения, не имели общественного резонанса, сопоставимого с тем, что вызвали Толстой, Достоевский, а потом и Чернышевский. Прекраснотушные мнения и, еще более, мечтания в полной мере владели умами тогдашней «образованной публики» уже хотя бы потому, что упрощали действительность, не заостряли, а снимали вопрос – что делать с полудиким народом, не только не понимающим обращенных к нему интеллигентских речей, но и в малой степени сознающих себя, упорно следующим вековым привычкам, много веков назад заведенному порядку вещей.

Впрочем, ту же самую мысль об умственной невменяемости можно адресовать и к новой, «народолюбивой» интеллигенции, изображенной, например, в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Впрочем, ее трактовка в таком роде не является однозначной. Примечательным явлением в обсуждении темы народа и интеллигенции не так давно стала книга В. К. Кантора [3], в которой сделана попытка высвободить автора «Что делать?» из созданной Лениным революционной традиции и представить не как социалиста и материалиста, а как реформатора-постепеновца и даже христианского мыслителя. «И все же, – справедливо отмечает в своей рецензии на книгу О. Жукова, – мыслители и художники слова, пережившие три русские революции, насильно разлученные со своей горячо любимой родиной, сполна испившие чашу исторического гнева и духовной горечи, признавая высоту нравственного облика Чернышевского, весьма критичны к его наследию. Они практически единогласно считают его источником импульса, приведшего к полевению русского общества, к его радикализации и «омарксвлению», видят в нем идейную предтечу разрушения религиозных основ русской жизни и понижения уровня культуры» [2].

А вот как, по его собственному определению, «на старости лет», отзывался современник Чернышевского Н. Лесков о времени, когда революционные демократы ждали появления в стране «новых людей»: «Хотел бы я воскресить Чернышевского и Елисеева: что бы они теперь писали о

“новых людях”?... Если исправничий писец мог один перепороть толпу беглых у меня с барок крестьян, при их же собственном содействии, то куда идти с таким народом? “Некуда”!.. Рахметов Чернышевского это должен был бы знать!.. Ведь с этим зверьем разве можно что-нибудь создать в данный момент?

Однако у вас, Николай Семенович, никакого просвета не видно.

...Я же чем виноват, если действительность такова!.. Удивительно, как это Чернышевский не догадывался, что после торжества идей Рахметова русский народ на другой же день выберет себе самого свирепого квартального... Идеи, которые некому и негде осуществлять, скверные идеи!..» [3, с. 690].

«Новь», наконец, ушла в сторону от начатой в «Записках охотника» линии познания народа, сделала исходным авторское молчание о его природе и лишь констатировала необходимость его «пробуждения» от векового сна, ожидания рождения нового человека [7, с. 126]. В романе, подробнейшим образом анализирующем интеллигенцию, идущую народ «будить», за редким исключением ничего не сказано о самом спящем исполине. Впрочем, когда говорится о тех, кого «хожденцы» намечают в качестве своих народных соратников – отчаянных и надежных заводилах, оказывается, что все это люди негодные не только для революционного дела, но и, что важнее, для обыденной жизни, дел хозяйственных, практических.

В то же время текстом «Нови» закрепляется обнаруженная в «Отцах и детях» большая дистанция в отношениях народа и интеллигенции, ясно видная прежде всего со стороны последней. Достаточно приглядеться к маргинальным фигурам народовольцев – бежавшей от родителей и обучившейся акушерству «бабе-мужику» Фекле Машуриной, болтливому убогому коротышке Силе Паклину, мрачному молчуну Пимену Остродумову. Да и сам главный герой юноша Нежданов – внебрачный дворянский сын, из того же теста, которое и для пирогов не пригодно, и выбросить жалко.

Вместе с тем, как отмечено, в романе выплывает новая для отечественной прозы того времени фигура настоящего делового человека. И о нем словами одного из персонажей, разочаровавшегося в идее «пробуждения» крестьян, дается высокая, разделяемая автором, оценка. «Вы вот о Соломине отозвались сухо. А знаете ли, что я вам доложу? Такие, как он – они-то вот

и суть настоящие. Их сразу не раскусить, а они – настоящие, поверьте; и будущее им принадлежит. Это – не герои; это даже не те «герои труда», о которых какой-то чудак – американец или англичанин – написал книгу для назидания нас, убогих; это – крепкие, серые, одноцветные, народные люди. Теперь только таких и нужно!

Вы смотрите на Соломина : умен – как день, и здоров – как рыба... Как же не чудно! Ведь у нас до сих пор на Руси как было: коли ты живой человек, с чувством, с сознанием – так непременно ты большой! А у Соломина сердце-то, пожалуй, тем же болеет, чем и наше, – и ненавидит он то же, что мы ненавидим, да нервы у него молчат и все тело повинуетя как следует... значит: молодец! Помилуйте: человек с идеалом – и без фразы; образованный – и из народа; простой – и себе на уме... Какого вам еще надо?» [7, с. 429]. То есть в «Нови» Тургенев намечает для темы взаимоотношений народа и интеллигенции новый путь.

* * *

Разочаровавшись в успехе предприятия просветить крестьян и революционными речами подбить их на бунт против властей, в 1879 г. народовольцы разделились на «деревенщиков» и «револьверщиков» – на тех, кто продолжил работу в деревне, и тех, кто избрал террор. И если для работников в деревне целью по-прежнему оставалось просвещение, то параллельно, в другом направлении, усиливалась работа «дезорганизаторская». Лозунгом «револьверщиков» стало политическое убийство как «осуществление революции в настоящем». Был сделан выбор – взрывать. Народовольцы убеждены, что только смерть – «суд, установленный самой природой», может уничтожить неправду и зло. И только после этого воздух очистится и жизнь потечет по-новому. Без этого нельзя вывести русский народ из тухлой, тысячелетней оцепенелости.

То, что делали «презренные либералишки, земские краснобаи», расширяя самоуправление, строя школы и больницы, борясь за большие полномочия суда присяжных, казалось мелким, незначительным, а главное, долгим, не дающим зримого, быстрого и большого результата. У каждого народовольца на слуху были слова легендарного Михаила Бакунина о необходимости бунтовать народ любыми средствами, и чем скорей и кровавей, тем лучше [5].

В повести Юрия Трифонова «Нетерпение» эти две позиции представлены молодым Андреем Желябовым, будущим террористом и главой

«Народной воли», и его тестем, умеренным либералом: «Я, конечно, не марксид, – начинал тесть, – хотя не чужд социалистских идей. Но революции я не понимаю! Что в ней хорошего? Ведь революция это *revolte*, мятеж, взрыв. А взрыв есть уродство, противоестественность. Природа не терпит взрывов, она живет медленно. Взрыв есть адово исчадьё, землетрясение, извержение Везувия». «Но рождение человека – это взрыв, и смерть человека – взрыв. Накапливаются силы смерти или силы новой жизни, и происходит *revolte*. Шестьсот лет, начиная с татарщины, русский народ медленно превращался в рабов. Хотите, чтоб так же медленно шло раскрепощение?» «Да бросьте, сударь! Рабы, татарщина – это мы любим вспоминать. А наше казачество? Запорожская республика? Да ведь такой вольницы мир не видел!» [6, с. 9]. А что ждать нельзя, очевиднее не бывает: рабочий день двенадцать часов, платежи крестьян за землю непосильны, на подходе новый дьявол – капиталист и нет у народа другой гласности и выбора, кроме бунта.

Но, кроме того, что предполагались отдельные теракты, которые, как пожар в лесу – «от одного дерева – остальные», сдвинут страну с мертвой точки, на что еще был расчет? Послушаем Желябова: «Мое мнение таково: русские революционеры как раз возродили чувство чести в народе, если хотите знать. Все эти революционные вспышки, которые мы наблюдаем, есть взрывы оскорбленного чувства чести. ...И революционеры первые сказали: довольно! Нельзя сечь русского человека безнаказанно. За это пулю в лоб. Это что вам – не чувство чести? А девушка, которая стреляла в Трепова, ни сестра, ни невеста, даже не знакома с Боголюбовым – что ее толкнуло на поступок, может быть безумный и ложный? Оскорбленная честь, ничего более. Не снесла поругания человеческого достоинства» [6, с. 55]. Пробудить в народе скрытые качества достоинства и чести? Но – крамольный вопрос – есть ли они? Не задавлены ли рабством?

Еще был расчет – вынудить царя созвать Всенародное Учредительное Собрание. Избранное на основе всеобщего избирательного права, оно должно было определить форму правления будущей России. Но вставал вопрос: как быть, если народ, чье самосознание далеко от идеалов прогресса, как неоднократно ранее в период восстаний и смут, снова сделает выбор в пользу монархии? Тогда, заявляли народовольцы, придется

смириться, но, уйдя в подполье, продолжать бороться за достижение своих целей.

Впрочем, как верил Желябов и его единомышленники, этого не потребуется. Если царь будет взорван, тем самым будет взорвана и идея данной богом царской власти – самая крепкая идея в русском народе – и начнется восстание. В лежащих в основе террора идеях – личным произволом бороться против личного произвола и, провозглашая Всенародный собор как возможность убеждать словами, бросать бомбы, чтобы убеждать динамитом – противоречие хотя и обнаруживалось, но не останавливало.

Дальнейшее хорошо известно. Удавшееся покушение ни на йоту не поколебало самодержавное сознание народа. Весть о казни цареубийц встречалась одобрением. Да и как еще мог реагировать русский народ на событие, которое хотя и затрагивало его представления о добре и зле, правде и кривде, невозможном и допустимом, но все же относилось к миру не своему, чуждому, творилось людьми хотя и русскими по крови, но чужими по мыслям и действиям.

Преодоление экзистенциальной расколотости русского мира, где, с одной стороны оказалось крестьянство и лежала каменная глыба векового народного страдания и недоверия к любым господам, а с другой находилась интеллигенция как малая часть той общности, которая и была причиной народного страдания, это преодоление могло состояться лишь постепенно, прежде всего усилиями просвещенной стороны и во времени продолжительном. Не случайно о будущем счастливого времени чеховские герои мечтают как о событии через двести лет. Не случайно жене инженера Кучерова из рассказа «Новая дача», опустившей руки в попытках наладить человеческие отношения с крестьянами, старик говорит: «– Не обижайся, барыня, – сказал Родион. – Чего там! Ты потерпи. Года два потерпи. Поживешь тут, потерпишь, и все обойдется. Народ у нас хороший, смирный... народ ничего, как перед истинным тебе говорю. На Козова да на Лычковых не гляди, и на Володьку не гляди, он у меня дурачок: кто первый сказал, того и слушает. Прочие народ смирный, молчат... Иной, знаешь, рад бы слово сказать по совести, вступиться, значит, да не может. И душа есть, и совесть есть, да языка в нем нет. Не обижайся... потерпи... Чего там!

Елена Ивановна смотрела на широкую спокойную реку, о чем-то думала, и слезы текли у

нее по щекам. И Родиона смущали эти слезы, он сам едва не плакал.

Ты ничего... – бормотал он. – Потерпи годика два. И школу можно, и дороги можно, а только не сразу... Хочешь, скажем к примеру, посеять на этом бугре хлеб, так сначала выкорчуй, выбери камни все, да потом вспаши, ходи да ходи... И с народом, значит, так... ходи да ходи, пока не осилишь» [8, с. 124].

В рассказе семейство Кучеровых из деревни уехало. Народ и интеллигенция, как и прежде, были чужими. До революционной октябрьской катастрофы оставалось менее двадцати лет.

Библиографический список

1. Арендт, Х. Лекции по политической философии Канта [Текст] / Х. Арендт. – СПб. : Наука, 2012. – 304 с.
2. Жукова, О. Новый человек: Николай Чернышевский в зеркале русского европеизма [Текст] / О. Жукова // Социологическое обозрение. – 2017. – Т. 16. – № 1.
3. Кантор, В. К. «Срубленное древо жизни»: судьба Николая Чернышевского» [Текст] / В. К. Кантор. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 528 с.
4. Лесков, Н. С. Собр. соч. [Текст] : в 6 томах / Н. С. Лесков. – Т. 1. – М. : АО «Экран», 1993. – 719 с.
5. Никольский, С. А., Филимонов, В. П. «Русское мировоззрение» [Текст] / С. А. Никольский, В. П. Филимонов. – Т. I. Смыслы и ценности российской жизни в философских и литературных произведениях XVIII – середины XIX столетий. – М. : Прогресс – Традиция, 2008. – 415 с.
6. Никольский, С. А., Филимонов, В. П. «Русское мировоззрение» [Текст] / С. А. Никольский, В. П. Филимонов. – Т. II. «Как возможно в России позитивное дело: поиски ответа в отечественной философии и классической литературе 40-х–60-х годов XIX столетия». – М. : Прогресс–Традиция, 2009. – 543 с.
7. Соловьев, Э. Ю. Основные паттерны новоевропейской цивилизации: «трудоголик», «профессионал», «предприниматель», «правозащитник» [Электронный ресурс] / Э. Ю. Соловьев // Этика: информационный ресурс. – URL: https://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/solov_1.html Дата обращения: 20.05.2019.
8. Трифонов, Ю. Нетерпение. Повесть об Андрее Желябове [Текст] / Ю. Трифонов. – М. : Изд-во политической литературы, 1974. – 512 с.
9. Тургенев, И. С. Собр. Соч. в двенадцати томах [Текст] / И. С. Тургенев. – Т. 4. – М. : Художественная литература, 1976. – 479 с.
10. Чехов, А. П. Собрание сочинений в восемнадцати томах [Текст] / А. П. Чехов. – Т. 10. – М. : Наука, 1986. – 405 с.

Reference List

1. Arendt, H. Lекции по политической философии Канта = Lectures on Kant political philosophy [Текст] / H. Arendt. – SPb. : Nauka, 2012. – 304 s.
2. Zhukova, O. Novyj chelovek: Nikolaj Chernyshevskij v zerkale russkogo evropeizma = New man: Nikolai Chernyshevsky in the mirror of Russian Europeanism [Текст] / O. Zhukova // Sociologicheskoe obozrenie. – 2017. – Т. 16. – № 1.
3. Kantor, V. K. «Srublennoe drevo zhizni»: sud'ba Nikolaja Chernyshevskogo» «Cut tree of life»: the fate of Nikolai Chernyshevsky « [Текст] / V. K. Kantor. – М. ; SPb. : Centr gumanitarnyh iniciativ, 2016. – 528 s.
4. Leskov, N. S. Sobr. soch. Collected works [Текст] : v 6 tomah / N. S. Leskov. – Т. 1. – М. : АО «Экран», 1993. – 719 s.
5. Nikol'skij, S. A., Filimonov, V. P. «Russkoe mirovozzrenie» «Russian outlook» [Текст] / S. A. Nikol'skij, V. P. Filimonov. – Т. I. Smysly i cennosti rossijskoj zhizni v filosofskih i literaturnyh proizvedenijah HVIII – serediny HIIH stoletij. – М. : Progress – Tradicija, 2008. – 415 s.
6. Nikol'skij, S. A., Filimonov, V. P. «Russkoe mirovozzrenie» «Russian outlook» [Текст] / S. A. Nikol'skij, V. P. Filimonov. – Т. II. «Kak vozmozno v Rossii pozitivnoe delo: poiski otveta v otechestvennoj filosofii i klassicheskoj literature 40 h–60 h godov HIIH stoletija». – М. : Progress–Tradicija, 2009. – 543 s.
7. Solov'ev, Je. Ju. Osnovnye patterny novoevropеjskoj civilizacii: «trudogolik», «professional», «predprinimatel'», «pravozashhitnik» Main patterns of new European civilization: «workaddicted», «professional», «entrepreneur», «human rights defender» [Elektronnyj resurs] / Je. Ju. Solov'ev // Jetika: informacionnyj resurs. – URL: https://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/solov_1.html Data obrashhenija: 20.05.2019.
8. Trifonov, Ju. Neterpenie. Povest' ob Andree Zheljabove = Impatience. The Tale of Andrei Zhelyabov [Текст] / Ju. Trifonov. – М. : Izd-vo politicheskoi literatury, 1974. – 512 s.
9. Turgenev, I. S. Sobr. Soch. v dvenadcati tomah Collected works in twelve volumes [Текст] / I. S. Turgenev. – Т. 4. – М. : Hudozhestvennaja literatura, 1976. – 479 s.
10. Chehov, A. P. Sobraie sochinenij v vosemnadcati tomah = Collected works in eighteen volumes [Текст] / A. P. Chehov. – Т. 10. – М. : Nauka, 1986. – 405 s.